

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Режиссер Роман Балаян широко известен любителям кино не только нашей республики. Его фильмы «Каштанка», «Бирюк», «Поцелуй», «Полеты во сне и наяву» неизменно вызывают интерес. Зритель не остается к ним равнодушен.

И вот новая работа. Недавно в кинотеатрах республики прошел фильм режиссера студии им. А. Довженко Романа Балаяна «Храни меня, мой талисман». По приглашению Казахского отделения бюро пропаганды киноискусства Роман Гургенович побывал в Алма-Ате, где встречался со зрителями.

Сегодня Роман Балаян — гость «Ленинской смены».

— Актер Олег Янковский сказал о своем герое в этом фильме, что это человек с тонкой кожей. Сергей Макаров из «Полетов во сне и наяву» тоже относится к людям легко ранимым. Похоже, вас интересуют драмы людей такого типа?

— Я думаю, они всех интересуют. И, по крайней мере, пока многие интересные сюжеты проходят мимо меня, если герой не принадлежит по воспитанию и образу жизни к среде интеллигенции. Мне интересен образ мышления этой части нашего общества.

— Однако вернемся к «Полетам...». Этот фильм вызвал большой интерес и у наших читателей. Герою «Полетов...» Сергею Мака-

И я не считаю Сергея Макарова потерянным потому, что в час безверия, кризиса в обществе он не погряз в потоке самодовольства, скуки, не принимая жизнь на таких условиях, хотя и не знал, что надо делать, чтобы изменить положение. Даже просто неприятие — это, по-моему, много.

— Олег Янковский снялся в нескольких ваших картинах, в том числе — в «Полетах...», в «Храни меня, мой талисман». Что вы цените в этом актере?

— Я всегда говорил, что природа наделила Янковского удивительным талантом. По выражению его глаз не угадаешь, какой это человек, хороший или дурной. Ясно, что сложный. Бесконечно выразителен его взгляд. Типаж в соединении с органичностью, которую он в себе выработал, делают его манеру игры очень современной.

Вообще в подборе актеров полагаюсь на интуицию и не делаю кинопроб. Техника, конечно, у каждого своя. Я же стараюсь добиться полной раскованности поведения актеров на съемочной площадке. Если посмотреть со стороны, то полное впечатление того, что мы ничего не делаем, а проводим время в свое удовольствие. Но это, конечно, не так.

— Ваши фильмы обладают прекрасным кинематографическим ритмом. Это предмет вашей особой заботы?

— Я бы сказал, что забочусь не только о ритме. Для меня в первую очередь важен не сюжет, а воздух, настроение в кадре. Мне необходимо знать, какой уровень нравственной чистоты складывается между героями. Важно создать атмосферу искусства, интонацию доверия между художником и зрителем, строя на этом картину. Вероятно, не каждый может сразу уловить это. И меня не слишком волнует, когда говорят, что мои картины будто бы ни о чем, но я больше всего переживаю, не скучны ли они. Может, скука мешает зрителю досматривать их до конца? Поэтому меня интересует ритм и в той мере, в какой он организует зрителя. К сожалению, мы научились в силу многих причин слишком сложно выражать свои мысли на экране, и зрители покидают зал, не дождавшись титра «Конец». Не знаю, чья тут вина: режиссера, зрителя...

— Что такое, по-вашему, хороший кадр?

— Не знаю, не могу сказать. Хороший кадр может сделать и не профессионал. Я не принимаю мысли Эйзенштейна о том, что по одному кадру можно определить творческие способности того или иного режиссера. Время, когда кино заимствовало живописные композиции, прошло. Важно досмотреть фильм до конца, чтобы сказать, хорош он или плох. Нужно терпение, заинтересованность, чтобы почувствовать интонацию картины. Таково мое желание зрителям, ведь по большому счету хочется, чтобы тебя поняли...

— И последний вопрос, традиционный: каковы ваши планы?

— Работаю над новым фильмом, но ничего сообщать о нем не стану. Скажу только, что сценарий — мой и Р. Ибрагимбекова, время действия картины — 1916 год, в главной роли — Янковский.

Т. ГИРИЧЕВА.

Р. БАЛАЯН: «У М И СЕРДЦЕ-ЛЮДЯМ»

— Роман Гургенович, начнем, наверное, с самого начала, с того, как появился у вас интерес к кино?

— Не могу абсолютно точно вспомнить, когда это произошло. Но, вероятно, решающую роль сыграла увлеченность моей матери искусством. Она участвовала в любительских спектаклях, даже оперных, где исполняла чаще всего мужские партии. Примерно в восьмом классе я решил стать актером, и непременно великим, но после десятого опоздал на экзамены во ВГИК. Тогда я стал работать в периферийном театре актером вспомогательного состава. Но мои творческие устремления были непонятны коллегам, и тогда я подумал, что, видимо, лучше заняться режиссурой. Я чуть утрирую, но, конечно, были и люди, направляющие меня по этому пути, и вскоре я поступил в Ереванский театральный институт, а позже переехал в Киев. Так все и началось.

— Зрители посмотрели «Храни меня, мой талисман». Оценки разные. Но наибольший интерес вызвал герой по имени Анатолий Климов. Он почти всегда появляется в кадре внезапно, столь же неожиданно исчезает, срывается, кривляется...

— Это конкретный и одновременно обобщенный образ, который включает черты Мефистофеля или, скажем, лукавого. Он будто бы все знает наперед, но верит в добрые человеческие начала. На пушкинском празднике в Болдино он встречает Алексея и Таню, журналистов, увлеченных Пушкиным, во многом живущих его творчеством. Пытаясь спровоцировать Таню на измену мужу, он нарушает установленный ход их семейной жизни и в своем желании совершить зло заходит так далеко, что оскорбляет и в нас память о прошлом и живущую в душе надежду на будущее. Вот почему происходит дуэль между Алексеем и Климовым.

рову сорок лет. Мы привыкли считать, что это пик зрелого возраста, а герой показывает полную растерянность перед жизнью...

— Когда-то это выдумал кто-то, а мы до сих пор верим. Мне кажется, что до сорока мы берем, а после должны отдавать силы, ум, сердце обществу, людям. До сорока мужчина может, по-моему, считаться юношей, а после — мужем. Таков Сергей Макаров. Детство в большой степени сформировало его характер. И его инфантильность, которая не что иное, как желание другой, более осмысленной жизни, так странно выражающееся, многие не принимают. Я был сорокалетним, когда снимал этот фильм, и внутреннее состояние моего героя было мне абсолютно понятно.

— В «Полетах...» есть одна любопытная, повторяющаяся деталь: узкое грустное лицо, которое герой рисует, например, в письме к матери? Как вы нашли ее?

— Она родилась случайно. Однажды я увидел, как Янковский дает автографы. Он рисует именно такое лицо. Я использовал его автограф, но в ином варианте, не столь клоунадном. Это маска героя, которую он прячет, потому что в ней слишком много боли и страдания. В жизни же ведет себя шутовски, но среди своего вымученного веселья нет, да и выдаст жесткую правду. У моего героя было много противников. Говорили, что только один из его поступков можно принимать всерьез, когда на станции он пытается предотвратить ограбление поезда. Но желание пресечь воровство — это нормальное явление! В нашей жизни мы почему-то стали обыкновенные вещи объявлять чуть ли не подвигами.

— Вы не верите, что экстремальная ситуация может выявить характер человека?

— Может, но экстремальная в другом смысле, когда надо рисковать своими нравственными принципами, жизненной философией.